

УДК [28+323] (575.2) (04)

“ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ” И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КЫРГЫЗСТАНЕ

Э.Е. Усубалиев – канд. истор. наук

The author considers the problem of Islamic identity in Kyrgyz part of Muslim community. The special place in the article is devoted to the studying of problems of regional and tribe divisions among kyrgyz in connection with religious factor, including the prospects of Islam influence on state's political and social life.

Одним из наиболее важных следствий крушения коммунистической идеологии в 1991 г. для широких масс Кыргызстана стала проблема личностной самоидентификации и поиска новых мировоззренческих ориентиров. И, естественно, что на волне “возрождения” ислама эта религия стала определяющим фактором идентификации не только титульной нации Кыргызстана, но и других мусульманских народов страны, входящих в состав мусульманской общины.

Процесс “возрождения” ислама в Кыргызстане сопровождался активным обращением населения к своим национально-культурным основам. Долгие годы государственного атеизма привели к укоренению не только в Кыргызстане, но и во всей Центральной Азии особенной формы ислама – так называемому бытовому или традиционному исламу, в котором религия неизменно отождествлялась с этничностью. И этот принцип, хотя уже и не в той степени как раньше, продолжает оказывать влияние на мусульманскую общину Кыргызстана. В этих условиях национальность остается значимым маркером, разделяющим внешне единую религиозную общину¹.

¹ Усубалиев Э.Е. Проблемы формирования государственной идеологии в контексте обеспечения безопасности общества // XXI век и новые вызовы культурно-идеологического развития

В настоящее время мусульманская община Кыргызстана все больше становится полноправным участником политического процесса. Дальнейшие демократические преобразования, приведшие к новой Конституции страны и формированию парламента по партийным спискам, позволили различным партиям довольно активно втягивать мусульман в политическую жизнь республики.

В действительности, мусульманский ресурс Кыргызстана представляет собой потенциально влиятельную силу, правда, пока еще не задействованную в полной мере. И от того, как и кем этот ресурс будет использован и какую форму может приобрести участие мусульман в политической жизни страны, будет зависеть дальнейшее развитие государства и общества Кыргызстана, особенно в условиях роста политического самосознания мусульман страны и продолжающегося процесса развития ислама. Иными словами, Кыргызстан стоит на пороге реальной борьбы различных политических сил за привлечение “мусульманского ресурса” на свою сторону. Как и в каком виде проявляется эта борьба, в полной мере показывают парламентские выборы 2007 г. Но прежде стоит разобраться в наиболее важных аспектах, формирующих эту весьма мно-

Кыргызстана // Материалы конференции. – Бишкек, 2005. – С. 12.

гогранную проблему современного политического развития страны.

Особый исследовательский интерес представляет вопрос практического характера – можно ли мобилизовать всю мусульманскую общину, как единую политическую силу в условиях ее многонационального состава, родоплеменных и клановых различий. И может ли вся община в перспективе выступать в качестве единой политической силы, способной влиять на реформы и преобразования в общественной жизни.

В дальнейшем выявление этих факторов позволит анализировать перспективы участия мусульманской общины в политическом процессе страны. В этой связи первоочередной задачей является определение национального состава общины, особенностей их внутриобщинной идентификации и взаимных отношений.

Согласно данным на 2001 г., национальный состав Кыргызстана, учитывая народы, исповедующие ислам, представлен: кыргызы – 3225 тыс. чел.; узбеки – 683 тыс. чел.; татары – 45 тыс. чел.; дунгане – 51 тыс. чел.; уйгуры – 46 тыс. чел.; казахи – 42 тыс. чел.; таджики – 43 тыс. чел.; турки – 33 тыс. чел.; азербайджанцы – 14 тыс. человек¹.

Из приведенных выше данных видно, что особое значение, с точки зрения политики, представляют собой две группы внутри мусульманской общины: кыргызы и узбеки, в то время как представители других национальностей, из-за их малочисленности, не могут являться весомым фактором в назревающей политической борьбе за “мусульманский ресурс”. По крайней мере, значение других национальностей в политической борьбе намного меньше по сравнению с двумя главными этническими группами. Рассмотрим ситуацию только в рамках одного, титульного этноса республики.

На протяжении длительного времени в экспертных кругах господствовало мнение, что кыргызы, из-за кочевого уклада их жизни в прошлом и в условиях советского времени, крайне невосприимчивы к исламу. В действи-

тельности, даже “традиционный” (“бытовой”) ислам, распространенный среди титульного населения, всегда имел довольно причудливые и странные формы в виде смешения шаманистских представлений и концепции исламского единобожия. Это объяснялось тем, что кыргызы менее религиозны чем, скажем, другие народы Центральной Азии.

За 17 лет независимого развития Кыргызстана ислам значительно упрочил свои позиции, постепенно расширяя горизонты влияния в системе общественных отношений. Теперь ислам все больше становится той высшей “инстанцией”, к которой апеллируют кыргызы в решении различных жизненных проблем.

Следует отметить, что ислам все еще не может выполнять одну из важных своих функций в обществе Кыргызстана – интегративную. Потенциал ислама как мощного средства интеграции общества до сих пор не реализован как на общенациональном, так и на внутринациональном уровнях, в частности, когда мы говорим о титульной нации Кыргызстана. И этому во многом препятствует родоплеменное устройство кыргызского общества и, как следствие, особенности внутринациональной идентификации кыргызов.

Родоплеменный характер устройства кыргызов и выстроенная на этой основе система взаимоотношений внутри государства представляет собой весьма устойчивое социальное явление, которое сохранило свою актуальность, несмотря на попытки советской власти его полностью устранить. При этом особую остроту эта особенность всегда приобретала при распределении властных полномочий и представительства в органах государственного значения.

Естественное географическое разделение страны на север и юг в настоящее время представляет куда более важный фактор в ее политике, по сравнению с мелким родоплеменным делением как внутри северных, так и южных кланов. Многолетние попытки изжить родоплеменную структуру кыргызского общества привели к сдвигу в сторону регионального принципа деления и представительства во властных структурах, что всегда отражалось на смене группировок во власти.

При этом в условиях пристального внимания политических сил к “мусульманскому ре-

¹ XXI век и новые вызовы культурно-идеологического развития Кыргызстана // Материалы конференции 12 декабря 2005. – Бишкек, 2005. – С. 11.

курсу» Кыргызстана вопрос восприимчивости мусульман к политическим лозунгам с исламской окраской в зависимости от региональной и родоплеменной принадлежности отдельно не изучался и, вероятно, впервые нами предприняты попытки представить возможные сценарии развития ситуации.

В настоящее время если мы берем в качестве анализа кыргызов в возрасте от 18 до 60 лет, читающих намаз или регулярно посещающих пятничные собрания верующих – Жума, то, согласно опросу, 75% респондентов считают себя кыргызами и только потом мусульманами, не более 25% мусульманами и только потом кыргызами¹.

Результаты опроса указывают на главенство национальной идентичности, а также свидетельствуют о том, что в сознании большинства кыргызов до сих пор по традиции этничность тождественна религиозной принадлежности. Между тем нельзя не отметить, что 25% респондентов, указавших на религиозную принадлежность, представляют новый, современный взгляд на вопрос личностной идентичности, который постепенно получает распространение в среде мусульман.

Следует также подчеркнуть, что вопрос самоидентификации находится в зависимости от возраста, социального статуса и образования респондентов. Например, те из опрошенных, кто называет себя в первую очередь мусульманином и только потом кыргызом, преимущественно молодые люди в возрасте 25–35 лет. При этом теологическое образование или средняя подготовка в этой области не являются основным фактором для определения природы этих воззрений. Более 70% из их числа имеют высшее образование, не связанное с религией, либо занимаются частным бизнесом. Иными словами, мы наблюдаем формирование сугубо исламского уровня идентичности и выход мышления за национальные рамки. Однако стоит признать, что эта категория людей представляет пусть и постепенно растущее, но все же меньшинство в кыргызской части мусульманской общины Кыргызстана.

На основании приведенных выше данных видно, что основная масса кыргызской части

¹ Данные социологического опроса, проведенного экспертами ИСАП при КРСУ.

мусульманской общины настроена на определение себя в рамках национально-ориентированного ислама. Это, безусловно, ведет к обособлению внутри мусульманской общины по отношению к другим мусульманским народам. Следует отметить, что национальный характер исламской идентичности свойственен всем народам, входящим в общину Кыргызстана. И в целях объективности мы признаем, что этот процесс имеет обоюдный характер, что, безусловно, в значительной степени осложняет процесс интеграции внутри мусульманской общины.

В настоящее время, несмотря на прямые предписания религии о недопустимости деления по национальному признаку и, соответственно, разделению уже внутри нации, в сознании мусульманина-кыргыза остается региональное и родоплеменное деление.

Проявление региональных трений, недоверия или отчуждения внутри кыргызской части мусульманской общины не имеют открытого и явного проявления и тем более не дискутируются. Однако неофициально региональное деление при распределении полномочий внутри организаций и учреждений в религиозной сфере является прямым следствием и отчасти отражением ситуации, сложившейся за все годы в обществе.

Монополия южной региональной группы в религиозной сфере является сложившейся традицией еще со времен советской власти – соседство южных кыргызов с таджиками и узбеками, а также тесные связи между этими народами в условиях Ферганской долины предопределило большую, чем на севере, религиозность среди населения. Это, в свою очередь, привело к тому, что практически во всех областях страны, за исключением Таласской, главы мусульманских общин были выходцами из южного региона².

И это обстоятельство во многом раскрывает суть основных региональных противоре-

² Маликов К.К. Идеологические (информационные) войны XXI века и проблемы безопасности Кыргызстана на современном этапе: исламская и западная трактовка безопасности // Центральная Азия и культура мира №1–2 (19–20). – Бишкек, 2006. – С. 17.

чий внутри кыргызской части мусульманской общины, которые всегда находились не столько в теологическом, сколько в религиозно-традиционном измерении.

Первые признаки противоречий – это различное понимание традиционного ислама, который в основном затрагивает обрядовую и культурную стороны жизни кыргыза. Имамы мечетей, назначаемые в северные области страны, привносили с собой культурную специфику юга, стереотипы и психологию религиозного мышления, которые не находили понимания в мусульманской среде. Например, на юге, скорее под влиянием оседлого образа жизни других народов, укоренились такие явления, не имеющие ничего общего с исламом: женщины не должны получать образования и ходить в мечеть; имам имеет особый статус “святого человека” в обществе и т.п., что, безусловно, у жителей севера с учетом периода советской власти и сохранением многих традиций, присущих кочевым обществам, вызвало непонимание.

Другой чертой так называемого “южного ислама” является открытая коммерциализация обрядовых услуг. Одним из наиболее ярких примеров может служить такое явление, как *давран*, имеющее большое распространение на юге республики. Давран – скорее всего, имеет происхождение от таджикского языка и является термином позднего суфийского ислама. В его основе лежит арабский корень *дау’р* – обход, круг, очередь. В традиционном “южном” исламе давран означает подсчитывать пропущенные намазы со времени совершеннолетия и до погребальной молитвы, переводя это на материальную основу в виде единовременной выплаты продуктами (зерно), которая потом переводится в деньги¹. Имамы на юге объясняют это положениями шариата, но не подкрепляют никакими источниками. Следует особо подчеркнуть, что такого термина, как давран, а также практики оплаты пропущенных молитв в исламе не существует. Это местное, довольно извращенное и опасное искажение принципов религии.

Между тем на юге это явление уже давно приобрело большие и угрожающие масштабы.

¹ Сегодня стоимость составляет 8 сом за одну пропущенную молитву. *Прим. авт.*

Некоторые семьи вынуждены продавать скот или недвижимость, для того чтобы таким образом “откупиться” за усопшего. Попытки применять давран на севере вызвали недовольство, и имамы мечетей вынуждены были отказаться от этого. Но это в любом случае накладывало негативный отпечаток на отношения между общиной и его главой. Однако ряд оплачиваемых услуг все же вошел в практику имамов, правда, не в таких размерах, как это принято на юге страны.

Другой не менее важной проблемой остается образование и подготовка кадров. Предметом недовольства в среде мусульман-кыргызов севера в настоящее время является перекос в распределении квот на образование в ведущих университетах мусульманского мира в сторону выходцев с юга. Жители севера практически не имеют возможности быть отправленными на учебу от Духовного Управления мусульман Кыргызстана.

Таким образом, фактор региональной принадлежности оказывает сильнейшее влияние на кыргызскую часть мусульманской общины и это разделение, будучи сугубо внутренним, не афишируемым явлением, все же представляет серьезную проблему как для общества, так и для государства. Особенно с точки зрения стабильности внутриобщинных отношений.

Следует признать, что открытого противостояния или конфликтов на этой почве отмечено не было. На протяжении всего периода независимости республики эти противоречия никогда не выходили за рамки общепринятого принципа в исламе – недопустимости проведения не только национальных, но и клановых, родоплеменных отличий. По сути, этот фактор всегда играл сдерживающую роль во внутриобщинных отношениях, поэтому данная проблема никогда открыто не обсуждалась в обществе, средствах массовой информации. Это также пример стабилизирующей роли ислама – важного механизма регулирования отношений в обществе.

Другим фактором, повлиявшим на отсутствие конфликтов на почве регионального деления, являлось то, что на протяжении длительного времени на севере религиозное самосознание населения было значительно ниже, чем на юге. Можно даже выдвинуть тезис

о том, что “возрождение” ислама на юге страны привело к тому, что мусульмане смогли более открыто выполнять обрядовые стороны ислама и, возможно, даже с большим рвением, чем раньше. Иными словами, то что раньше всегда исполнялось, но не так открыто, впоследствии стало обыденной практикой большинства населения. Но в дальнейшем это не привело к модернизации религиозного мышления, хотя и усилило традиционную (бытовую) форму ислама.

Ситуация на севере страны несколько отличалась от ситуации в южных областях Кыргызстана. Традиционно сложилось так, что на севере уровень образованности кыргызов всегда был выше. Но, безусловно, большая часть населения, особенно в сельской местности придерживалась приоритетов, обусловленных традиционными видами хозяйственной деятельности.

Основные изменения произошли после распада СССР. В это время значительно увеличился отток населения из сельских районов и его переселения в столицу и Чуйскую область. Так же, как и на юге республики, “возрождение” ислама привело к усилению его традиционно-обрядовой роли в общественных отношениях. Но в дальнейшем, по мере роста религиозного самосознания населения, его отношение к исламу стало постепенно приобретать черты осмысленного изучения и попыток применения в повседневной жизни, не только в качестве религиозной традиции.

Не последнюю роль в этом сыграло внешнее влияние со стороны стран мусульманского мира, открытие различных институтов, образовательных и просветительских центров исламского характера. За последние 16 лет образовательный уровень обычного мусульманина значительно вырос, появился осознанный подход к исламу. С каждым годом понимание ислама постепенно выходит за рамки его привычной традиционно-обрядовой стороны¹.

Между тем рост религиозного самосознания на севере уже привел к серьезным изменениям в структуре мусульманской общины страны. Если ранее, только в Таласе глава общины

¹ Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии. – Бишкек, 2005. – С. 48.

был выходцем из этой области, а в остальных северных областях имамы главных мечетей были представителями юга, то теперь в Нарынской и Иссыкульской областях главами общин стали коренные жители этих районов.

Данный пример показателен – рост религиозного самосознания и влияние региональной идентификации привели к вполне логичному выводу в местных общинах – “у нас должен быть свой имам”. Можно предположить, что по мере подготовки кадров среднего уровня для мечетей внутри районов области этот процесс будет иметь продолжение. Уже сейчас это привело к образованию отдельных групп, сформированных по региональному или родоплеменному принципу, которые пытаются создать лобби и выдвинуть своего кандидата на пост верховного муфтия страны.

Можно предположить возможный сценарий развития отношений внутри кыргызской части мусульманской общины в средне- и долгосрочной перспективе. Процесс исламизации северных областей республики продолжается и это постепенно оказывает влияние на представительство выходцев с севера в местных казиятах, мечетях и администрации муфтията. По всей видимости, “монополия” в духовной сфере представителей юга будет постепенно уменьшаться, хотя пост главы муфтията будет по-прежнему сохранен за югом. Это обусловлено тем, что за годы традиционного контроля в этой сфере духовные лидеры общин и образовательных учреждений в значительной степени “застряли” в плане дальнейшего развития исламской мысли, ограничиваясь лишь обрядовой и бытовой сторонами толкования шариата. Длительная концентрация власти в рамках одной региональной группы привела к уже внутрирегиональному соперничеству за пост главы муфтията. Это отчетливо осознается некоторыми духовными деятелями на севере. И то, что в областях назначаются имамы из числа местного населения, является первым сигналом к тому, что в духовной сфере Кыргызстана начинают происходить серьезные изменения.

По признанию одного из имамов, в Чуйской области контроль южан в этой сфере привел к тому, что нарушены основные принципы выбора главы общины мусульман.

“В муфтияте и правительстве идет ожесточенная борьба за право быть муфтием, и главное здесь не знания, не личные качества человека, а деньги”.

Размышляя о путях консолидации общины на внутринациональном уровне и устранении регионального и кланового деления, представляется, что это будет возможным только в том случае, если представители севера станут расширять свое участие в процессе принятия решений и работе муфтията. Пропорциональное представительство в органах муфтията должно привести к необходимости введения новой политики в религиозной сфере, включающей образование и подготовку кадров, принципы выборов главы духовного управления мусульман.

Регионализация духовной сферы, безусловно, – негативное явление в кыргызской части мусульманской общины. Но это естественный процесс, вызванный ростом религиозности среди населения и обусловленный остающейся проблемой регионального деления на север – юг. Впрочем, следует его рассматривать как временное явление, которое, безусловно, должно быть преодолено по мере повышения уровня образования как рядовых мусульман, так и имамов мечетей. Именно повышение образовательного уровня в мусульманской среде является единственным средством, способным в будущем консолидировать мусульманскую общину на внутринациональном уровне.

Очевидно, что по мере осознания в мусульманской среде наднационального характера исламской идентичности и реальных попыток консолидации на основе принципов исламской солидарности в рамках Кыргызстана, значение мусульманской общины в политическом процессе республики многократно возрастет. В этом случае, тот кто будет контролировать “мусульманский ресурс” потенциально становится влиятельным “игроком” на политическом поле Кыргызстана.

По сути, мусульмане при правильном оперировании общими положениями религии могут

в скором времени стать единственной устойчивой группой избирателей, для которой политический призыв будет значительно облегчен, поскольку существует уже давно прописанная концепция создания отвечающей нормам религии системы общественного устройства.

В независимом Кыргызстане уже был случай выдвижения кандидата на пост президента страны в 2005 г. – мусульманина: известный в стране правозащитник Турсунбай Бакир уулу активно использовал свою религиозную принадлежность, исламский взгляд на экономику, политику и общественные отношения в качестве главных аргументов своей предвыборной программы. Пожалуй, это была первая попытка использования “мусульманского ресурса” в политических целях.

В дальнейшем, как представляется, “мусульманский ресурс” будет более активно использоваться как партиями, так властью, поскольку с каждым годом очевидность его влияния в политике только возрастает. Однако многие упускают из виду, что полностью контролировать мусульман за счет финансов либо административного ресурса весьма трудновыполнимая задача. Здесь основное значение придается легитимности того или иного политического деятеля в глазах мусульман: может ли он иметь право не только выступать от лица всех мусульман, но и вообще претендовать на право отстаивать их интересы. Таких политиков или духовных лидеров в масштабе страны сейчас нет.

Вместо этого отдельные политические группы пытаются привлечь на свою сторону мусульман для решения мелких, краткосрочных задач политического характера. Однако до тех пор пока мусульмане Кыргызстана не смогут решить вопрос регионального, родоплеменного и национального деления и не предпримут попытку консолидации на основе общих принципов исламской солидарности, любая политическая активность с использованием религии несет в себе большую опасность как для целостности мусульманской общины, так и для общественной стабильности.